

О. А. БЕЛОБРОВА

Повесть о королевиче кипрском Велиаме

«Повесть о королевиче кипрском Велиаме», известная в настоящее время по единственному списку,¹ уже не раз привлекала внимание литературоведов.

Еще А. Н. Пыпин включил этот памятник в круг произведений светского характера.² Неоднократно упоминал это произведение в своих работах М. Н. Сперанский.³ Учитывалось оно и в Толковой картотеке древнерусской литературы.⁴ Наконец, «Повесть» привлекалась при изучении кипрской темы в древнерусской литературе.⁵

Текст «Повести» не публиковался.

При изучении этого памятника нельзя не учесть беглое, но меткое замечание А. Н. Пыпина: данная «Повесть», «несколько отличная от других романов XVIII века и может быть принадлежащая XVII столетию».⁶

Список «Повести о Велиаме» дошел до нас в сборнике светских повестей, который может быть датирован началом второго десятилетия XVIII в. Этот сборник, в 4°, на 193 лл., состоит из нескольких тетрадей, написанных скорописью разных почерков на разной бумаге. В первой тетради недостает начальных листов. Здесь на лл. 6, 22, 36—37 и 40—41 повторяется одна и та же филигрань (Клепиков. Филигр., стр. 78 и 254, № 937 = 1712 г.).⁷ Кроме «Повести о Велиаме», в этой тетради находятся повести об Аполлонии Тирском,⁸ о Делфе Сирском,⁹ об Антонине

¹ ГИМ, собр. Забелина, № 498, лл. 34—39 об.

² А. Н. Пыпин. 1) Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1858, стр. 286; 2) Для любителей книжной старины. — Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII в. М., 1888, стр. 11. [Забелинская рукопись № 498 приведена здесь под № 69 (223)].

³ М. Н. Сперанский. 1) Собрание рукописей И. Е. Забелина. — Отчет Государственного исторического музея за 1916—1925 г. М., 1926, Приложение II, стр. 20; 2) Рукописные сборники XVII в. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963, стр. 91.

⁴ Хранится в Секторе древнерусской литературы ИРЛИ.

⁵ О. А. Белоброва. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1967, стр. 6, 14.

⁶ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских, стр. 286.

⁷ Эта филигрань, да и почерк писца не позволяют вслед за А. Н. Пыпиным видеть в сборнике рукопись конца XVII в.

⁸ Этот список в числе других указан в труде: Древнерусская повесть. Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская, вып. 1. М.—Л., АН СССР, 1940, стр. 152; ср. упоминание его в кн.: М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в., стр. 91.

⁹ Этот список — единственный известный — указан А. Н. Пыпиным (Для любителей книжной старины, стр. 16—17); ср. М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в., стр. 91, 160.

Фиванском,¹⁰ о царе Агее.¹¹ В следующих тетрадах — список «Гистории о храбром гишпанском рыцаре Вендиане» (лл. 46—193 об.).¹²

Сборник почти не исследовался в совокупности. Сведения о его составе отличаются либо неполнотой, либо некоторой противоречивостью.¹³

Принадлежность сборника сержанту Гавриле Алферьеву — читателю XVIII в. — была отмечена еще А. Н. Пыпиным¹⁴ при публикации конечной фразы «Повести о Велиаме», после которой и следует владельческая приписка. М. Н. Сперанский на основании той же владельческой записи поставил забелинский сборник № 498 в один ряд с другими, переписывавшимися и читавшимися в XVIII в. в военной среде.¹⁵

Подбор повестей в первой тетради, может быть, не случаен. В большинстве их важную роль играет мотив «узнавания» (Урлих, сын Антонина Фиванского узнает свою мать Лудью королевну; Аполлоний Тирский узнает свою дочь Тарсию, Велиам Кипрский узнает свою сестру Июлию). Многие из повестей связаны с легендами о кровосмесителе (в частности, «Аполлоний Тирский»): момент жестокой ошибки в ряде случаев отмечен даже в заглавиях: «История ... о короле Делфе Сирском, как незапно жену свою выдал замуж», «Повесть о королевиче кипрском Велиаме, как не ведав женился на сестре своей родной».

Содержание «Повести о Велиаме», озаглавленной столь интригующе, таково. В одном королевстве — «в городе Кипре» — жили-были осиротевшие королевич Велиам и его младшая пятилетняя сестра Июлия. Брат и сестра были очень дружны. С ними в доме жила «старая жена» — их мамка. Она безнаказанно таскала их добро. Поймав ее с поличным, молодые хозяева уличили ее в воровстве. В отместку злодейка решила «известь» Июлию, заколов и бросив ее в море во время прогулки. По просьбе одной из подруг мамки Июлия была продана купцу на торговый корабль. Королевичу Велиаму сообщили, что его сестра утонула в море. Безутешный брат после неудачных поисков Июлии надевает на три года «черное платье» в знак траура. Между тем купец увозит девочку «в свою землю в Пентаполию», где был правителем король Деонисий. Бездетный купец называет Июлию своей дочерью, дает ей воспитание и образование, так что к 15 годам она становится прекрасной девушкой. Во время одной из прогулок ей довелось встретить короля Деонисия. Эта встреча изменила судьбу Июлии, ставшей по воле короля придворной королевы. Тем временем купеческая чета, воспитавшая девушку, умирает. Июлия, озабоченная тем, что она не узнала у купца о своем происхождении, предается воспоминаниям детства и делится ими с королем и королевой. Последние, догадываясь, что Июлия «не простаго роду», удочеряют ее и окружают

¹⁰ Отмечен А. Н. Пыпиным (Для любителей книжной старины, стр. 6).

¹¹ Древнерусская повесть, вып. 1, стр. 141.

¹² А. Н. Пыпин (Для любителей книжной старины, стр. 60) относил этот список к старейшей редакции; ср.: М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в., стр. 161.

¹³ Например, у А. Н. Пыпина (Очерк литературной истории, стр. 286) не упоминается Повесть об Аполлонии Тирском и Повесть о царе Агее; у М. Н. Сперанского вовсе не фигурирует Повесть о короле Фиванском Антонине и т. д. По печатным описаниям сборника совершенно неясна пагинация, которая у Пыпина, например, дана то по одной системе, то по другой (ср.: А. Н. Пыпин. Для любителей книжной старины, стр. 6, 11, 16, 50).

¹⁴ А. Н. Пыпин. Для любителей книжной старины, стр. 11.

¹⁵ М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в., стр. 91.

заботой. А в это время возмужавший королевич Велиам, ставший королем Кипра, подумывает о женитьбе. В поисках невесты он приезжает в «Пентиполь» к королю Деонисию. Король и королева смущены необходимостью скрывать, что Июлия не их родная дочь. Они учат ее молчать об этом. Однако сразу после свадебного пира Июлия признается Велиаму в том, что мучительная тайна ее происхождения не вполне ясна ей самой, так как она помнит лишь, что «не простова роду», что рано осиротела и что был у нее любящий брат и вороватая мамка. Она делится воспоминаниями, как была продана купцу и как «в королевския дочери взята». Пораженный Велиам вовремя узнает родную сестру, пока еще не свершился кровосмесительный брак. Брат и сестра возвращаются в свое королевство под видом супружеской четы. Здесь немедленно изобличаются мамка и ее подруги, их подвергают жестокой казни («велел головы их на кольях по дорогам растыкать»). Велиам благополучно женится, а Июлия выходит замуж за короля.

Основная завязка сюжета происходит у моря: «и пришли с нею (Июлиеню, — О. Б.) на берег морской... и хоте Июлию заколоть и бросить в море». «Узнавание» героев, которого ждет с волнением читатель, приводит к развязке. Здесь можно видеть отголоски схемы греческого (эллинистического) романа, который в переводах на русский язык становится известным именно в XVIII в. Уже в допетровской Руси, начиная с киевских времен, эта схема имела распространение в переводных житиях.¹⁶ В «Повести о Велиаме» — типичны для греческого романа мнимая смерть героини, происходящие от этого ошибки, фатализм. Здесь присутствует «блуждание героя по морям, запутанность тайн, тяготеющих над его жизнью, разрешение этих тайн при помощи „узнания“, обилие „задерживающих моментов“...».¹⁷ При изучении «Повести о Велиаме» невольно возникает целый ряд сопоставлений с «Повестью об Аполлонии Тирском», хотя последняя гораздо более сложна. Действительно, как в первом, так и во втором произведении важнейшие сюжетообразующими моментами являются ненависть мамки Вирсавы (опекунищи Дионисии) к юной героине (Июлии — Тарсии), попытка убить героиню на берегу моря, замена убийства вынужденным морским путешествием; ложное известие о смерти героини, горе любящего брата Велиама (отца Аполлония), его обещание носить траур 3 года (9 лет), смерть расположенных к героине воспитателей (купеческой четы — мамки Лигории), «узнавание» героини братом (отцом), казнь злодеев (Вирсавы с подругами — раба Феофила и Странгвила с Дионисией). В обоих памятниках фигурирует город «Пентиполь» (земля Пентиполия). В одном из двух известных переводов «Повести об Аполлонии Тирском», в том, который был предпринят раньше, чем перевод сборника «Римских деяний», включившего в себя это произведение, Аполлоний находит жену Лучницу в земле кипрского короля Алтыстратеса и после многолетних странствований, вновь обретя жену и дочь, приезжает к нему на Кипр.¹⁸ В ряде

¹⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Отв. редактор Я. С. Лурье. Л., 1970, стр. 70—78.

¹⁷ В. В. Сиповский. Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 1. СПб., 1909, стр. 247, 287.

¹⁸ Повесть об Аполлоне Тирском. — В кн.: Н. С. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, т. I. М., 1859, стр. 13, 31, 33. — В «Римских деяниях» вместо кипрского короля выступает «король той земли Цылибской именем Антистратис». Ср.: Римские деяния (Gesta Romanorum), ч. I. СПб., 1877—1878, стр. 17, 24, 58.

списков «Повести об Аполлонии Тирском» герой, подобно Велиаму и Июлии, «приблизился града Кипра».¹⁹

Таким образом, в обеих повестях близостью отличается не только канва событий в жизни главных героев, но и место действия (Пентиполь, Кипр), неизменно связанные с греческими областями.²⁰

Вместе с тем «Повесть о Велиаме Кипрском» имеет и ряд вполне самостоятельных особенностей. Среди них примечательна привязанность к Кипру Велиама и Июлии, непременно стремившихся вернуться на родину. Велиам отвечает названным родителям Июлии: «Мне нельзя этого сделать, что с нею (Июлией, — О. Б.) не быть в своем королевстве и оставить ее у вас». И хотя далее выдвигается мотивировка совместного возвращения как необходимость расправы над разлучившими их злодеями, все же здесь преобладает тяга к отечеству, которая в «Повести об Аполлонии Тирском» отсутствует. В последней герой легко меняет один город на другой (Тир, Тарс, Эфес, Антиохию и др.), странствует по морям на протяжении многих лет и в конце-концов оседает не в родном Тире, а в Антиохии. В «Повести о Велиаме», где действие ограничено всего лишь двумя землями (или городами) — Кипром и Пентиполем — оба города не получают развернутой характеристики; но все же сообщается: «а в то время в Кипре было много из окрестных королевств торговых кораблей». Таким образом, Кипр рисуется как крупный торговый центр, лежащий на оживленных морских путях.

Герои повести действуют в пределах только одного поколения; о них сообщается лишь самое необходимое. Остаются неизвестными обстоятельства жизни и смерти родителей Велиама и Июлии; ничего не говорится о их детях.

Значительную роль в этой повести играют сословные представления. Большое значение придается высокородности Июлии: «И король (Деонисий, — О. Б.) в уме своем подержал и помыслил, что конечно де эта не купецкая дочь и не купецкия в ней поступки». Июлия говорит о себе: «А сама я знаю, что я не простова роду и не дочь купецкая». В другом месте читаем: «И видит то король и с королевою, что Июлия не простаго роду».

Интересно, как освещается в повести воспитание и образование Июлии. В купеческом доме глава семьи «приказал ее учить всяким наукам»; при королевском дворе «приказали ее учить всяким королевским поступкам». Перед нами отголосок типично средневековой системы обучения. Невольно вспоминается, что дочь кипрского короля Лучница в «Повести об Аполлонии Тирском» получила воспитание и образование, соответствующее духу еще эллинистического мира: ее учили музыке и пляске; в этом обучении принял участие и оказавшийся при дворе Аполлоний.

В настоящее время, когда мы располагаем только одним списком «Повести о Велиаме», представляется затруднительным решение вопроса, была ли эта повесть сочинением неизвестного древнерусского автора, знакомого со схемой греческого романа; была ли она самостоятельной обработкой какого-то эллинистического сюжета; или это всего лишь персвод

¹⁹ Список 1796 г. собрания ИРЛИ, р. IV, оп. 13 (В. Н. Перетц), № 429, л. 22 об. — Любопытно, что в списке 1756 г. (ИРЛИ, р. IV, оп. 13, № 286, л. 88) Аполлоний «увиде града того короля Алтыстратеса», а город (или земля) не определены более точно.

²⁰ В «Повести об Аполлонии Тирском» сфера странствований героя значительно шире: Антиохия, Тир, Тарс, Эфес, Мелхина и т. д.

средневековой западноевропейской версии греческой легенды-романа? С определенностью можно признать, что список «Повести о Велиаме» — не первоначальный. Об этом позволяет судить, например, такая особенность списка: мамка Июлии фигурирует в начале повести без имени; но где-то в середине повествования, а затем и в конце неожиданно всплывает ее имя (Вирсава; в другом случае — Варсава). Неодинаковое наименование земли Пентиполии (Пентаполь, Пентополия, Пентиполь) может свидетельствовать о том же. Недописанное слово «светли[цы]», ошибочно повторенное слово «казнить» указывают, что это список со списка. Язык повести довольно выразителен. Обращают на себя внимание не совсем обычные обороты, как например «ходить в черном платье» (надевать траур), «ухватились» (в значении «обнялись»). Некоторые аналогии находим в «Повести о российском матросе Василии» начала XVIII в.,²¹ а также в раннем переводе «Повести об Аполлонии Тирском».²² Ряд оборотов и выражений, однако, не находит таких параллелей. К ним относятся: «старая жена» (мамка), «и в то время в их молодости», «гулять в крамах», «вели ее за дочь родную», «ведем за дочь свою», «заказывати» в значении «приказать, настойчиво просить», приказание «и до сна быть при мне», «прислушивать» в значении «подслушивать» и др. Возможно, что здесь перед нами признаки перевода с какого-либо западнославянского языка, скорее всего с польского.²³ В частности, на западнославянский оригинал указывает обозначение воровства как злодейства (ср. польск. *złodziejstwo*, чешск. *zlodějství*), воровки как злодейки (ср. польск. *złodziejka*, чешск. *zlodějka*), денег — в пенязех (ср. польск. *pieniędzy*, *pieniądze*, чешск. *peníze*). Без обращения к польскому или чешскому языку нельзя понять оборот «гулять в крамах» — «гулять в торговых рядах» (ср. «лавка» — польск. *krám*, чешск. *krám*) или сочетание «за дочь». Словосочетание «Мы выдаем, что Июлия дочь наша» позволяет вспомнить о польском глаголе *wydawać* («выдавать», «представлять»), другое — «вели ее за дочь родную» вызывает в памяти польский глагол *wodzić*. Употребление в одном из оборотов наречия «здорово» в смысле «умно, осмотрительно» («это дело делается не скоро, только здорово») опять-таки близко по значению польскому *zdrowo*.

Таким образом, в повести о Велиаме можно видеть образец древнерусского перевода с какого-либо западнославянского (скорее всего с польского) языка. К сожалению, нам не удалось найти протооригинал. Возможно, публикация текста привлечет к нему внимание как к интересному образцу средневековой обработки эллинистического романа, счастливо сохранившемуся в тематическом сборнике начала XVIII в. в составе памятников, характерных для древнерусской литературы второй половины — конца XVII в.

Текст «Повести» дается в соответствии с правилами публикации литературных памятников в Трудах ОДРЛ.

²¹ «И пришед ухвата (ухватив) его, нача горко плакати»; «и королевна была весма была печална и в черном платье» — В кн.: Русские повести первой трети XVIII в. Исследования и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой М.—Л., 1965, стр. 208, 207. В статейном списке московского посла в Западную Грузию Федота Елчина (1639 г.) читаем: «Дарь Левонтей в великой кручине, а ходит в черном платье» — В кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954, стр. 215.

²² «Странгвил с женою, облекшись в черная, приидоша к Аполлону» (Н. С. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, т. I, стр. 24). — В «Римских деяниях» этот текст получает несколько иной перевод: «Станвалей со свою женою Деонисию о приезде Аполлоновом облеклись в печальные ризы» (стр. 43).

²³ Благодарю за консультации по этому вопросу В. П. Адрианову-Перетц и А. М. Панченко.

ПРИЛОЖЕНИЕ

л. 34 Повесть о королевиче кипърском Велиаме как не ведав женился на сестре своей родной.

Был в городе Кипре королевич Велиам в младых letech и имел у себя сестру родную меньшую одну, королевну Июлию, а та королевна Июлия была 5 лет. А отца и матери у них не было. И королевич брат ее зело к ней был ласков и без нее не мог не пить, не есть, И в то время в их молодости приказан был дом их одной старой жене. И та старая жена всегда имене свое тащила з другими рабами. И видит то королевна Июлия. И хотя мала смыслила, однако ж смотрела все и по времени тайно сказала брату своему королевичу Велиаму, что в доме их худо делается. И все ему сказала, что видела. И королевич Велиам ей сказал: «Любезнейшая моя дорогая сестра! Потерпи, а я сам присмотрю». И в то время проведает та старая жена, что королевна Июлия про ее злодейство сказала брату своему. И стала та злодейка мыслить и советовать з другими, как бы Июлию извести. И брат ее королевич Велиам все смотрел и примечал и присмотрел, и то истина, как сестра ему сказала. А присмотрел

л. 34 об. || королевич, что старая жена, украв, несет ковер золотой. И королевич ей сказал: «Для чево ты так делаеш?». И она ему с лукавства сказала, что несет ево просушивать. И в то число королевич ей ничево не зделал. А та старая жена и зломышленица и болши стала умыслять, как бы извести Июлию. И призвала к себе тех рабынь, которые с нее расточали имене королевское, а сама им стала говорить: «Ведаете ли, подруги мои, что ныне королевна Июлия в малых letech, а все видит, а когда взростет, то нам зло от нее будет. Надобно нам ее извести». И так ей другие сказали подруги: «Присоветоваем мы, что извести Июлию». И мысля та злодейка, и позвала Июлию гулять, а подругам своим приказала взять с собою ножи. И пришла с нею на берег морской и хоте Июлию заколоть и бросить в море, а королевичу брату ее сказать, что в море она утонула. И в то время одна ис подруг ее стала их просить, чтоб ее не губить и продать в другое королевство. А в то время в Кипре было много из других окрестных королевств торговых кораблей. И умысля они меж собою и продали ее купцу. Взяли за нее 20 пенязей. А когда продавали, л. 35 тогда ей заказывали, чтоб она || не кричала и молчала, а естли станет кричать, то де мы зарежем и бросим в море. И продав Июлию и пришли к королевичу Велиаму с лукавыми слезами и сказали ему, что Июлия сестра твоя в море утонула. И королевич услышал от них такая слова и сам обмертвел и кинулся со многими людьми своими искать любимой своей сестры. И искал ее три дни в море и не нашол. И всегда по ней печалился. И обещался в черном платье ходить по ней 3 года, также и всему дому приказал ходить в черном платье по любезной своей сестре Июлии.

И купец взял Июлию и поехал в свою землю в Пентаполию. А в той земли Пентаполии был король Деонисий. И привес купец Июлию в дом свой и стал ее спрашивать, какова она роду. И она ему сказал: «Я де и сама не помню и не знаю». А хотя и помнила, только не сказывала, пока выростет. И тот купецкой человек детей у себя не имел. И видит он, что Июлия зело прекрасна и разумна. И назвал ее себе дочерью. И поставил к ней служащую, пока она выростет. И приказал ее учить всяким наукам. И когда стала Июлия на возрасте, 15 лет, и такова прекрасна была, что во всем Пентиполии такой девицы не обреталось. И случилось Июлии в том городе Пентиполии гулять в крамах. И в то время король тово города именем Деонисий гулял в крамах же и видел король Июлию

и спросил: «Чья ты девица?». И она ему поклонилась чинно и сказала: «Я де дочь купецкая». И король || в уме своем подержал, и помыслил, что конечно де эта не купецкая дочь и не купецкия в ней поступки. И гуляв король пошел в дом свой. И пришед стал сказывать своей королеве: «Любезнейшая моя королева, гулял я в крамах и видел девицу такую прекрасную, что во всем моем королевстве первую вижу. А сказалась купецкая дочь. А не купецкия в ней поступки. И королева ему сказала: «В твоём королевстве много людей хороших». И по времени король велел призвать тово купца и спрашивал ево: «Твоя ли эта дочь, которая у тебя живет?». И он ему сказал: «Моя, де дочь». И король приказал ей Июлии быть в верховых девицах. И купецкой человек и з женою своею с радостию и со слезами Июлию отпустили и приказали ей, чтоб она сказывалась их дочерью. А у ней не то на уме. И пришла Июлия х королеве и поклонилась ей. И королева королю сказала: «По истинне учтивя ета девица, и до сна быть при мне». И приказала ей королева быть при себе. И жила тут Июлия 2 года. А король Деонисий детей у себя не имел и забавлялся только всякими полевыми забавами. И стала королева Июлия в возрасте и вспомнила, как мала была и как при брате жила и как ее продали. И стала тайно плакать. Присмотрела королева, что у нее всегда глаза заплаканы. И велела королева || за ней тайно присматривать, о чем она плачет. И приказала прислушивать другим девицам. А в то время купецкой человек и з женою померли, а ей тово не сказали, откуда она и какова роду. И Июлия, зашед в особую светлицу и стала плакать и причитать: «О злочасная я, на што я на свет родилась, лутче бы в те поры меня зарезали и бросили в море, нежели что я бедная и безчасная, не ведаю, какова я роду. О любезной мой брат, ежели ты жив и не продан, не ведаешь ты, что любезная твоя сестра в таком злополучии и не в счастья». И тут прислушала одна девица, когда она так плакала и причитала. И та девица сказала королеве. И королева взяла ее в особую светлицу и стала спрашивать ее тайно: «О чем ты так плачешь и такая слова причитала?». Июлия королеве сказала: «Милостивая королева! Как мне не плакать? Которые меня вспоили и вскормили, те померли, а тово мне не сказали, какова я роду и ис которова города. А сама я знаю, что я не простова роду и не дочь купецкая». И королева ее спросила: «Почему ты знаешь, что ты не простова роду?». Она ей сказала плачучи: «Милостивая королева, как мне про себя не знать? хотя тово не знаю, какова я роду и ис которова города, а помню то, что нас после отца осталось двое, брат да я. И помню, что дом наш был хорошей. А меня || с ненависти мамка з другими рабынями хотели меня зарезать и бросить в море. И не зарезали и продали тому купецкому человеку, которой меня вспоил и вскормил». А сама наслу в слезах своих говорит. И королева в тот час королю мужу своему сказала. И король Июлию с прилежанием спрашивал, не помнит ли она отца или матери. И она ему сказала также, что и королеве. И видит то король и с королевою, что Июлия не простаго роду. И стал король своей королеве говорить: «Любезная моя королева! Я тебе говорил, что ета девица не простова роду. А нас дете пет. Возмем мы ее за дочь себе. Мы богати, за ково выдадим и тово обогатим». И взяли король с королевою Июлию за дочь себе. И приказали ее учить всяким королевским поступкам. И Июлия о том мало повеселилась и порадовалась, однако о брате мыслит и печалитца. И жила Июлия при короле и при королеве. И король и королева вели ее за дочь родную.

А королевич Велиам, брат ее, уже в том городе своем Кипре королем также и на возрасте. И стал мыслить, что уже без королевы ему исляз

быть и час пришел ему женица. И проведал тот король Велиам, брат
 Июлиин, что в Пентиполи у короля Деонисия есть дочь зело прекрасна.
 И начал мыслить, чтобы ему ехати в Пентиполь и видети у короля Део-
 нисия прекрасную ево дочь. И велел Велиам корабли украсить всякими
 дорогими уборы и велел взять с собою что надлежит к свадьбе, всево
 л. 37 доволно. И прибыл в Пентиполь и пришел к королю Деонисию и по-
 здравствовал ему. И король Деонисий также ему поздравствовал. И спро-
 сил король Деонисий, пошто он к нему приехал. И он ему сказал: «Ва-
 шему королевскому величеству поклонитца. А слышал я, что у тебя есть
 дочь, прекрасная королева Июлия. И ежели изволишь меня принять
 в родство себе за сына, отдай за меня дочь свою прекрасную Июлию».

А не ведает Велиам, что Июлия сестра ево родная. И король Деонисий
 ему сказал: «Брате мой, король Велиам, это дело делается не скоро,
 только здорово. А ты дай мне сроку на три дня». И пришел король Део-
 нисий к своей королеве и стал ей говорить: «Любезная моя королева!
 Приехал ис Кипра король Велиам и свататца за дочь нашу. А нам на-
 добно с тобою советовать. Мы выдаем, что Июлия^а дочь наша, а мы
 только ведем ее за дочь себе. И ежели король Велиам женитца на ней и
 проведает, и в том нам будет стыд от всех окрестных королей и с тем
 королем Велиамом вечная съсора. А правду сказать, так себя посрамить».

И королева ему сказала: «Мы ей закажем, чтоб она сказывалась, что
 дочь наша родная». И король Деонисий королеве сказал, что все коро-
 левство наше ведает, что не наша она дочь, только ведем мы за дочь
 свою». И призвали к себе Июлию и стали ей говорить: «Дочь наша лю-
 безная! Ныне за тебя сватается кипрской король Велиам, а ты сама ве-
 даешь, что не родная нам дочь. И ежели бог эта зделает, что король
 Велиам на тебе женитца и ты не моги тово сказывать, что ты не наша
 л. 37 об. дочь. Все сказывай, что наша дочь родная». И она к им сказала: «Мило-
 стивыя мои батюшка и матушка! Я благодарю за вашу такую милость,
 что меня, такую странную и сирую, произвели в дочь себе. А ныне таким
 своим милосердием хотите меня произвесть в такую высокую персону
 и в то, как воля ваша. А я поистине этова никому не скажу, что я не
 дочь ваша. И все буду сказывать, что дочь ваша родная и как мне так не
 сказыватца за такую вашу ко мне высокую милость отеческую?». И ко-
 роль и королева приказала ей убиратца к свадьбе, а три дни прошло.
 И король Велиам пришел к королю Деонисию и стал ему говорить: «Бу-
 дет ли на то ваша королевская воля, изволишь ли отдать дочь свою за
 меня?». И король Деонисий сказал ему: «Принимаю я тебя в родство
 свою и даю за тебя дочь свою прекрасную Июлию». И отдал король Део-
 нисий Июлию за короля Велиама. И веселились на той свадьбе доволно
 и по веселье многом во обычайное время пошел король Велиам с молодою
 женою Июлию по обычаю спать в особую светлицу. И пришед лягли на
 постелю. И король Велиам стал целовать любезную свою королеву и раз-
 говаривали доволно, лежа на постеле, а греха еще не творили. И Июлия
 помыслила в себе, что де мне не сказать про себя ему, а то де сведает
 и мне голову отсечет, лутче мне сказать. И стала говорить: «Благодар-
 ствую, государь мой, король Велиам, что ты меня такую странную и
 л. 38 сирую к принял в жену себе, а я не дочь этова короля и королевы».

И король Велиам спросил ее: «Чья ты дочь?». И она ему умилным го-
 лосом сказала: «Я ис которова города и какова роду, тово я не помню,
 для тово, что я еще была мала и малая продана. А помню, что не про-

^а После этого следует отрицание не, приписанное сверху позднее, другими чернилами.

«това роду. А у отца нашево было нас только двое, брат да я. А отца у нас не было. И брат ко мне был зело ласков. И помню то, что приставлена была ко мне мамка, старая жена, именован Вирсава. И я присмотрела, что та мамка и з другими рабами тащат все имение наше. И я в то время сказала брату своему. И брат мне велел терпеть, пока он сам присмотрит. И присмотрел брат мой, что та старая жена, мамка, украла ковер золотой. И брат ее спросил: «Что де ты делаешь?». И она ему сказала: «Я де несу просушивать». И в то время та злая мамка, умысля за то, что я брату своему сказала, что тащат имение наше, и позвала меня гулять. И согласясь з другими рабами и привели меня на берег морской. И хотели меня зарезать и бросить в море, а брату моему сказать, что в море утонула. И тово они не зделали. И продали меня в этот город купецкому человеку». И все ему сказала, что как было, как росла и как в королевския дочери взята. || И король Велиам, брат ее, вспомнил по речам л. 38 об. Июлиным и узнал, что сестра ево родная. И залился слезами. И сказал Июлии: «Я твой брат Велиам, а ты моя сестра родная». И ухватились и плакали много. И потом король Велиам вышел из светли[цы] ⁶ и пришел к королю Деонисию и стал говорить: «Благодарствую, отче мой милостивый, король Деонисий, за твою премногую милость, что в своей королевской милости не оставил сестры моей Июлии. Мне не жена, сестра родная». И сказал все, что как было. И король Деонисий и королевна пришли и весь дом их. И такой дивности все порадовались. И в той радости веселились довольно. И король Велиам стал проситца, чтоб ево король Деонисий отпустил в свое королевство кипрское. И король Деонисий с королевою стали у короля Велиама просить, чтоб он оставил Июлию у них: «А мы, де, имеем ее как дочь свою и детей у нас нет, а по времени мы ее выдадим за хорошева человека». И король Велиам им сказал: «Милостивыя мои отец и мать! Мне нельзя этого зделать, что с нею не быть в своем королевстве и оставить ее у вас, для того, что мне надобно про все розыскать, а потом как воля ваша». И король Велиам взял у короля Деонисия прошение. И поехали || с любезною своею сестрою Июлиею в свое королевство кипрское. И прибыли в нево. И в королевстве их встречали и чаяли, что он с молодою женою. А он в то время заказал сестре съвоей Июлии, чтоб она сказывалась ево королевою. И пришли они в свой дом. И королевна Июлия тот дом узнала и вспомнила и почела плакать. И король Велиам, брат ее унимал и говорил ей: «Любезнейшая моя сестра, не плачь и не давай себя звать до времени». А сам призвал тое старую жену мамку и стал ей говорить: «Вирсава, как, я не помню, как сестра моя Июлия утонула?» И она ему сказала: «Гуляла, де, по берегу морскому и оступилась и упала в море и утонула». И в то время выступила королевна Июлия и говорила: «Я не утонула. Вы меня хотели зарезать и бросить в море, да не зарезали и не бросили в море. Вы меня продали купцу». И в то время мамка Варсава королю Велиаму всю повинную принесла, как што было против речей Июлиных. И король Велиам распрося мамку и подруг ее, которые хотели Июлию погубить, и велел их || казнить смертию и велел головы их ^а л. 39 об. на кольях по дорогам растыкать. А сам король Велиам женился, а королевну Июлию выдал замуж за короля. И жили до кончины своей в великой славе.

(ГИМ, собр. Забелина № 498, лл. 34—39 об.).

⁶ Конец слова *цы* приписан позднее, другими чернилами.

^а Здесь повторено слово *казнить*, взятое в скобки переписчиком.